

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Разказы известныхъ лицъ.

Памятныя замѣтки В. Д. Давыдова *).

I.

Покойный свѣтлѣйшій князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ былъ, съ самой молодости своей, въ дружескихъ отношеніяхъ съ отцомъ моимъ и, въ память его, часто удостоивалъ меня своими разговорами и нѣкоторыми разказами. Припоминаю одинъ изъ нихъ, весьма характеризующій нравы и обычаи времени царствованія Елисаветы Петровны.

Дворецъ императрицы, во время стройки Зимняго дворца известнымъ Растрелли, находился на Мойкѣ у Пѣвческаго моста, напротивъ дома графа Строгонова; въ немъ былъ большой балконъ въ видѣ террасы, подъ которымъ проходила и проѣзжала публика. На этомъ балконѣ, въ весеннее и лѣтнее время, сиживала императрица, послѣ обѣда, и большею частію обыкновенно въ веселомъ расположеніи духа. Рядомъ съ домою графа Строгонова находился домъ фельдмаршала графа Салтыкова, на дворѣ котораго помѣщался почетный карауль. Отецъ князя Александра Сергѣевича Меншикова былъ адъютантомъ у графа Салтыкова, и вотъ что онъ объ немъ разказывалъ своему сыну. Графъ Салтыковъ обѣдалъ у графа Строгонова, и, по тогдашнему обыкновению, всѣ пили очень много. За обѣдомъ графъ Салтыковъ сталъ утверждать, что его венгерское вино лучше, и послѣ сильнаго и бурнаго спора, было рѣшено идти

*) Василій Денисовичъ Давыдовъ, старшій сынъ славнаго партизана 1812 года, независимо отъ этихъ разказовъ, передалъ въ распоряженіе «Русской Старины» составленную имъ біографію своего родителя и уступилъ право изданія весьма интересныхъ записокъ партизана Давыдова о Польской кампаніи 1831 г. Какъ эти, такъ равно и другія бумаги, сообщенныя В. Д. мы надѣемся постепенно помѣстить на страницахъ «Русской Старины». Ред.

всѣмъ въ домъ графа Салтыкова испробовать и оцѣнить его венгерское вино. Но когда собесѣдники пожелали встать, то увидали, что только у нѣкоторыхъ ноги могли еще служить. Рѣшено было послать за почетнымъ карауломъ, дабы съ помощью солдатъ дойти до фельдмаршальскаго дома, что и было немедленно исполнено. Императрица въ то время находилась на балконѣ и увидала эту странную процессію. Впереди двое солдатъ вели старика графа Салтыкова, за нимъ графа Строгонова и всѣхъ адъютантовъ и гостей. Она послала спросить: куда ихъ ведутъ? Отвѣтъ былъ: пробовать венгерское вино графа фельдмаршала, который хвастается, что его вино—лучше Строгоновскаго. Тогда императрица Елисавета снова послала сказать имъ, что ея венгерское еще лучше салтыковскаго и что она проситъ всѣхъ пожаловать пить его къ ней. Такъ и случилось, и она такъ угостила своихъ гостей, что тѣ уснули на балконѣ, въ виду всей проѣзжающей публики.

II.

Всю зиму, съ 1868 года по 1869 годъ, жилъ я въ Дрезденѣ, гдѣ въ то время проводилъ постоянно зимы, въ послѣдніе годы своей жизни, бывший генералъ-адъютантъ Дмитрій Гавриловичъ Биби-ковъ. Онъ жилъ въ „Саксонской гостинницѣ“ и очень радушно принималъ немногихъ русскихъ, находившихся въ Дрезденѣ. Я почти каждый день навѣщалъ его и съ наслажденіемъ заслушивался умныхъ рѣчей его и вѣрныхъ сужденій объ лицахъ и обстоятельствахъ, занимавшихъ тогда вниманіе всѣхъ. Однажды я спросилъ его: не знаетъ ли онъ причины немилости Екатерины II-й къ Александру Ильичу Биби-кову, послѣ того, что онъ былъ выбранъ маршаломъ собранныхъ со всей Россіи депутатовъ для составленія новаго уложенія? Вотъ что отвѣчалъ мнѣ на это Дмитрій Гавриловичъ:

Въ залѣ засѣданій находились большія ширмы, за которыми стояло кресло императрицы и откуда она обыкновенно слушала пренія депутатовъ; тѣ изъ нихъ, которые своими мыслями обращали ея вниманіе, приглашались ею за-просто, и она часто и долго бесѣдовала съ ними. Въ предпоследнее засѣданіе депутатовъ, когда Александръ Ильичъ объявилъ имъ, что труды ихъ кончаются, что ихъ надняхъ, вѣроятно, приметъ императрица и распуститъ по домамъ, одинъ изъ депутатовъ (сколько ему помнилось, изъ Ярославской губерніи, онъ зналъ его фамилію, да забылъ) спросилъ Бибикова: какъ, думаетъ онъ, будетъ впредь поступать императрица? будетъ ли она вновь собирать депутатовъ, всякій разъ что пожелаетъ издать новый законъ или впредь будетъ издавать ихъ сама безъ призыва ихъ? На это Биби-ковъ отвѣчалъ: „что онъ не можетъ знать волю и намѣреніе всеми-

лостивѣйшей монархини, но предполагаетъ, что, по примѣру этого собранія, если императрица будетъ довольна ихъ трудами и найдетъ въ нихъ пользу, она и впослѣдствіи, по премудрости своей, вѣроятно уже не приступитъ къ какой-либо важной мѣрѣ, касательно интересовъ всѣхъ, не собравши снова депутатовъ“. Не успѣлъ онъ кончить свой отвѣтъ, какъ услышалъ за ширмами съ шумомъ отодвинутое кресло и шуршаніе удаляющагося платья императрицы. Съ тѣхъ поръ она стала хлѣбна къ Библикову, и онъ снова былъ вызванъ на политическое поприще только въ виду развитія и опасности Пугачевского бунта.

III.

„Съ дядею, Александромъ Ильичемъ, былъ странный случай,—разсказывалъ мнѣ Дмитрій Гавриловичъ:—когда дядя прибылъ въ Москву проѣздомъ въ Казань, то остановился въ нашемъ домѣ у брата своего Гаврилы Ильича, а моего отца, на Пречистенкѣ, нынѣ домъ Аладьина, бывшій барона Розена и Давыдова. Мать моя приняла его какъ подобало, въ то время, встрѣчать старшаго брата мужа ея, то-есть со всѣмъ возможнымъ почетомъ, и на другое утро, узнавши что онъ проснулся, пошла сама узнать объ его здоровьѣ и спокойно ли онъ провелъ ночь. Вошедши въ комнату, она нашла его весьма блѣднымъ и разстроеннымъ и на вопросъ ея, не боленъ ли онъ? Александръ Ильичъ отвѣчалъ ей, что онъ, слава Богу, здоровъ, но его очень смущаетъ видѣнный имъ сонъ, по которому онъ чувствуетъ, что не придется ему оправдать довѣріе императрицы и кончить порученіе ему данное. „Видѣлъ я нынѣ ночью, сказалъ онъ, что я будто дьякономъ служу при архіерейской службѣ, и будто у меня длинныя, предлинныя волосы; обѣдня шла своимъ чередомъ, но какъ только запѣли вѣрую, то увидѣлъ я, что всѣ волосы мои упали къ моимъ ногамъ и что на моихъ плечахъ мертвая голова. Отъ страха я проснулся, сотворилъ молитву, и когда уснулъ снова, то опять увидалъ себя съ мертвою головою. Это ясное предзнаменованіе, что я скоро умру; я не жалѣю о жизни, но горюю о томъ, что не исполню воли всемилостивѣйшей нашей монархини“. Несмотря на убѣжденія матушки, на развлечения, которыя ему предлагали въ Москвѣ, Александръ Ильичъ во все время пребыванія своего въ столицѣ былъ задумчивъ и грустенъ, и дѣйствительно, какъ мы знаемъ, умеръ въ деревнѣ, около города Бугульмы, а не въ самой Бугульмѣ, какъ то думаютъ. Онъ, какъ извѣстно, не успѣлъ докончить пораженіе Пугачева.

IV.

Въ одинъ изъ проводимыхъ мною вечеровъ у Дмитрія Гавриловича я его спросилъ: слышалъ ли онъ про анекдотъ съ однимъ изъ депута-

товъ, который при видѣ Екатерины II-й, отъ страха, упалъ въ обморокъ и ослабѣлъ, какъ малое дитя? Я этотъ анекдотъ слышалъ еще отъ отца моего. Дмитрій Гавриловичъ подтвердилъ мнѣ его, прибавивши слѣдующее: то былъ депутатъ Костромской губерніи, добрый и хорошій старичекъ, котораго императрица, по указанію Бибикова, часто приглашала къ себѣ вечеромъ и съ которымъ бесѣдовала глазъ на глазъ. Въ одинъ изъ предпоследнихъ вечеровъ она сказала ему, что она скоро приметъ депутатовъ въ полномъ торжествѣ, сидя на тронѣ.

„Радъ, государыня, сказалъ старикъ, что Богъ приведетъ меня увидать такое торжество“.

— „Льстецы мои увѣряютъ меня, прибавила императрица, что будто въ это время у меня лицо преобразается и взглядъ мой бываетъ такъ суровъ, что невольно внушаетъ страхъ; я вижу, вы человѣкъ правдивый и простой, вы, откровеннѣе всякаго другого, скажете мнѣ, правда ли это?“

На это депутатъ отвѣчалъ: „Матушка, не знаю какъ для другихъ, а ты на меня страха не наводишь; ты такъ милостива ко мнѣ, къ старику, такъ привѣтлива, что пусть другіе боятся тебя, а я только могу молить за тебя Бога и вѣкъ благодарить за твои милости“.

— „Ну прощайте, сказала императрица, помните же, послѣ моего приема скажите мнѣ откровенно, показалась ли я вамъ страшна на тронѣ.“

Въ день поднесенія депутатами императрицѣ титула великой, старый депутатъ шелъ на раду со всѣми другими опустивши глаза, по своему обыкновенію; онъ поднялъ ихъ тогда только, какъ очутился передъ трономъ и, взглянувши на императрицу, такъ испугался, что впалъ въ совершенно дѣтскую слабость.... Старика вынесли безъ чувствъ *).

V.

Покойный оберъ-егермейстеръ Дмитрій Васильевичъ Васильчиковъ всегда былъ ко мнѣ очень милостивъ, и въ мою молодость я каждую осень охотился у него въ продолженіи болѣе 4 лѣтъ; онъ рассказывалъ всѣмъ намъ очень часто эпизоды изъ царствованія Павла Петровича;—въ несчастію, я тогда не записывалъ его рассказы, хотя нѣкоторые изъ нихъ еще помню.

Однажды императоръ Павелъ упалъ, вальсируя съ княжной Лопухиной и немедленно отдалъ приказъ, чтобъ вальсъ былъ исключенъ изъ танцевъ, и никто не смѣлъ бы впредь вальсировать. Такъ про-

* Настоящій рассказъ, равно и другіе, мы приводимъ только какъ легенды. Весьма вѣроятно, что память измѣняла рассказчикамъ въ передачѣ нѣкоторыхъ подробностей, почему и могли вкрасться неточности, за которыя мы не беремъ на себя отвѣтственности.

шелъ годъ. Васильчиковъ былъ въ то время камергеръ или камеръ-юнкеръ, несмотря на свою молодость, и весьма ловкимъ и смѣлымъ молодымъ человекомъ безъ страха и упрека. Онъ, не боясь навлечь на себя гнѣвъ государя, ухаживалъ за княжной Лопухиною. Какъ-то разъ на балѣ она ему призналась, что очень желала бы провальсировать. Желая понравиться прелестной княжнѣ, Васильчиковъ рѣшился на поступокъ, который могъ бы обойтись ему весьма дорого. Онъ смѣло подошелъ къ оркестру и объявилъ ему, именемъ государя, что велѣно играть вальсъ, и какъ только раздались первые звуки, онъ съ княжною Лопухиною полетѣлъ по залѣ къ изумленію всѣхъ. Государь вошелъ въ это время въ залу, посмотрѣлъ, нашелъ, что эта пара отлично вальсируетъ, похвалилъ ихъ, и съ тѣхъ поръ помину не было о запрещеніи танца.

Дмитрій Васильевичъ Васильчиковъ часто мнѣ рассказывалъ, что несмотря на строгость и страшные капризы Павла, никогда такъ весело не бывало, какъ при его дворѣ. Всѣ пользовались минутою, всѣ жили настоящимъ, а потому веселились до упаду и повѣсничали на славу.

VI.

Покойный мой дядя, Иванъ Петровичъ Поливановъ, былъ адъютантомъ или квартирмейстеромъ у генерала Талызина, командира Преображенскаго полка. Во время моихъ приѣздовъ въ отпуски въ Москву, я всегда останавливался у него въ домѣ на Молчановѣ, и несмотря на молодость и вѣтреность моихъ лѣтъ, часто заслушивался его рассказовъ о старыхъ временахъ. Отъ него слыжалъ я много анекдотовъ о царствованіи Павла, но увы! во многомъ уже измѣнила мнѣ моя память и я передамъ только тѣ, которые помню явственно.

Сумрачное и грозное состояніе духа императора Павла находило всего болѣе на него, когда дулъ южный вѣтеръ, и наследникъ престола, Александръ Павловичъ, бывши тогда генераль-губернаторомъ Петербурга, хаживалъ бывало въ 4 часа утра, чтобы посмотрѣть на флюгеръ, съ какой стороны дуетъ вѣтеръ. Въ одинъ изъ такихъ ненастныхъ дней, государь передалъ наследнику, что онъ намѣренъ сдѣлать въ Петербургѣ войскамъ внезапную тревогу, причемъ настрого приказалъ ему о томъ никому не говорить. Александръ Павловичъ, по добротѣ своей души и боясь, чтобы эта неожиданная тревога не причинила много несчастій, объявилъ каждому полковому командиру, подъ строжайшей тайной, о намѣреніи государя, прося ихъ быть бдительными; тѣ, въ свою очередь, говорили тоже вступающимъ въ караулъ офицерамъ, и такимъ образомъ всѣ были въ страхѣ и ожиданіи. Въ такомъ же вол-

неніи находилъся молодой офицеръ, стоявшій въ караулѣ на одной изъ улицъ, сколько мнѣ помнится, на Галерной; желая кромя того выслужиться, онъ не сходилъ съ платформы, все прислушиваясь не забьютъ ли гдѣ тревогу. На тотъ грѣхъ въ это время ѣхала пустая бочка по улицѣ. Лошадь, или испугавшись чего-либо, или отъ другихъ причинъ, посакала по мостовой; пошелъ отъ бочки громъ, весьма похожій на барабанный бой; офицеръ, бывшій на сторожѣ, какъ только услышалъ этотъ шумъ, немедленно велѣлъ ударить тревогу; ближайшіе караулы подхватили—и пошла потѣха.

Доложили государю, что въ городѣ бьютъ тревогу; онъ немедленно велѣлъ подать себѣ верховую лошадь, по имени „Чортъ“, и съ пылающимъ лицомъ выскакалъ изъ дворца. Отъ всѣхъ полковъ неслись туда офицеры съ командами для принятія знаменъ, и каждаго встрѣчнаго государь спрашивалъ: „куда бѣжите?“ и на отвѣтъ: „во дворецъ, за знаменемъ“, немедленно раздавались приказанія государя: „въ крѣпость! въ солдаты! въ Сибирь!“ Наслѣдникъ первый разобралъ въ чемъ дѣло и чувствуя, что это его вина, рвалъ на себѣ волосы съ отчаянія; но видя, что гнѣвъ государя, понимающаго дѣло иначе, все растетъ, рѣшился ему признаться во всемъ. Долго еще не успокоивался государь и только распросивши всѣхъ полковыхъ командировъ, помиловалъ разжалованныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые стояли уже на часахъ солдатами.

VII.

Въ царствованіе Павла, какого-то гусарскаго полка ротмистръ пришелъ съ своимъ эскадрономъ на дневку. Пока эскадронъ размѣщался по квартирамъ, ротмистръ остановился у помѣщика, и послѣ сытнаго обѣда засѣлъ въ карты. Въ это время ему докладываютъ, что явился къ нему вахмистръ. Онъ хотѣлъ къ нему выдти, но хозяинъ, дабы не перерывать партіи, сказалъ ему: „зовите его сюда“.

Вошелъ вахмистръ: „Ну что?“—Ваше благородіе, все благополучно, люди разставлены по квартирамъ; сѣно нашелъ, но жидъ меньше столькихъ-то копѣекъ не беретъ, какъ прикажете?—„А у другихъ жидовъ развѣ нѣтъ?“—Никакъ нѣтъ-съ, одинъ только съ сѣномъ, ваше благородіе.—„Ну, дѣлать нечего, не оставаться-же безъ сѣна, возьми, да жидъ повѣсь“, сказалъ шутя ротмистръ продолжая играть.

Проходитъ нѣсколько времени; снова приходитъ вахмистръ. „Что?“—Сѣно принялъ, ваше благородіе, столько-то пудовъ.—„Ну, хорошо“.—Жидъ, какъ изволили приказать, я повѣсилъ.—„Какъ повѣсилъ?“—Точно такъ-съ, какъ сами изволили приказать.—„Ахъ чортъ тебя возьми, да я

пошутить“.— Не можемъ знать, ваше благородіе, а онъ уже съ часъ какъ виситъ.

Дѣлать было нечего. Рапортуетъ объ этомъ происшествіи несчастный ротмистръ, ожидаетъ грозы. Она явилась въ слѣдующей сентенціи Павла: „Ротмистръ такой-то за глупыя и незаконныя приказанія разжалывается въ рядовые“, а дальше: „рядовому такого-то полка возвращается чинъ ротмистра, съ производствомъ въ майоры, за введеніе такой отличной субординаціи во вѣренной ему командѣ, что и глупыя его приказанія исполняются немедленно“.

VIII.

Дядя мой двоюродный, Петръ Львовичъ Д*, во время царствованія Павла служилъ въ кавалергардахъ, и славился своимъ отменною щегольствомъ и ловкостію; онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, un élégant officier. Княжна Лопухина стала съ нимъ кокетничать и, вѣроятно, такъ явно, что вызвала неудовольствіе императора Павла. Однажды, на балѣ во дворцѣ, Д* стоялъ за стуломъ княжны и разговаривалъ съ нею. Въ то время всѣ офицеры носили палки при всякой формѣ. Во время разговора онъ почувствовалъ, что кто-то легко ударилъ его палкою по ногѣ; думая, что кто-нибудь изъ его товарищей шутить съ нимъ, онъ на это не обратилъ вниманіе, но ударъ повторился сильнѣе и Д*, обернувшись, увидѣлъ императора, стоящаго передъ нимъ съ выраженіемъ на лицѣ сильного гнѣва.

„Какъ вы смѣете, сударь, стоять спиною къ великимъ княжнамъ?“ сказалъ ему Павелъ.

Д* оглянулся и явственно увидалъ, что великія княжны впереди его, а не позади. Онъ понялъ настоящую причину гнѣва и улыбнулся неволью. Негодованіе императора выражалось въ весьма сильныхъ эпитетахъ, но при видѣ улыбки, онъ приказалъ немедленно разжаловать Д* въ солдаты и, наконецъ, повелѣлъ: „въ Сибирь“.

Д* свели на дворцовую гауптвахту, надѣли уже солдатскую шинель, какъ вдругъ пришло помилованіе, самымъ неожиданнымъ образомъ: Княжна Лопухина, которая тоже поняла настоящую причину гнѣва императора, бросилась ему въ ноги, умоляя о пощадѣ Д* и представляя ему, что какъ ей ни дорога благосклонность императора, но что, по милости ея, она будетъ ненавидима всѣми, ибо она стала невольною причиною несчастій людей. Мольбы княжны тронули Павла и онъ приказалъ вернуть Давыдова; но съ тѣмъ, чтобы онъ весь вечеръ улыбался..... Къ концу однако вечера, невинность ли дяди моего, или послушаніе его, такъ полюбились Павлу, что онъ его поздравилъ камергеромъ, несмотря на молодость его лѣтъ.

Это званіе сдѣлало то, что Петръ Львовичъ очень еще молодымъ человѣкомъ былъ уже тайнымъ совѣтникомъ и имѣлъ придворную должность гофмейстера. При открытіи кампаніи 1805 г. онъ сталъ проситься въ армію, но государь Александръ Павловичъ велѣлъ ему сказать, что онъ его приметъ, только капитаномъ. Д* отвѣчалъ, что—хоть солдатомъ, и его приняли за это майоромъ. Онъ былъ отменно храбръ и вернулся изъ Парижа уже генераль-майоромъ съ Георгіемъ 4-го класса, и потомъ снова переименованъ въ тайные совѣтники.

IX.

Въ послѣдній годъ царствованія Павла однажды былъ приглашенъ къ обѣду графъ Орловъ-Чесменскій и кто-то еще. Императоръ обѣдывалъ въ часъ пополудни. Къ этому времени императрица и великія князья съ приглашенными дожидались прибытія государя, а онъ, обыкновенно весьма аккуратный въ домашней жизни, на этотъ разъ опоздалъ. Проходить $\frac{1}{4}$ часа, наконецъ $\frac{1}{2}$ часа, государя нѣтъ; всѣ присутствовавшіе въ недоумѣніи и смущеніи. Вдругъ донесли, что государь приѣхалъ; онъ вошелъ со шляпою на головѣ съ самымъ сердитымъ лицомъ, и подойдя къ императрицѣ, сказалъ ей, стуча объ полъ палкою: „я, сударыня, нигдѣ не потерплю измѣнниковъ, нигдѣ, ни даже въ моей семьѣ, слышите-ли вы“, — продолжалъ онъ, бросая грозные взгляды на великихъ князей. Императрица, весьма смущенная, съ низкимъ поклономъ отвѣчала ему „что она не знаетъ за собой вины и потому просить государя сказать ей, въ чемъ она провинилась?“ — „Это вы всѣ скоро узнаете“, отвѣчалъ онъ, и быстро вышелъ изъ комнаты, сильно хлопнувъ дверью. Всѣ остались въ страхѣ и оцѣпенѣніи. Наконецъ, боясь снова прогнѣвить государя позднимъ обѣдомъ, не въ урочное время, императрица обратилась къ графу Орлову, прося его сходить къ императору и доложить ему, что обѣдъ готовъ. На это графъ отвѣчалъ. „Нѣтъ, сударыня, я хотя сжегъ турецкій флотъ и кажись неробкаго десятка, но, воля ваша, не пойду, хоть казните“. Одинъ графъ Кутайсовъ вызвался идти и спросить Павла. Онъ постучался въ запертыя двери и на вопросъ: кто тамъ? отвѣчалъ кто онъ и зачѣмъ посланъ. „Сейчасъ буду, ждате!“ былъ отвѣтъ. Прошла еще томительная четверть часа, и наконецъ, государь вышелъ съ улыбающимся лицомъ, потирая себѣ руки, подошелъ къ императрицѣ и сказалъ ей „что очень видно напугалъ я васъ, сударыня, всѣхъ моей шуточкой. Пойдемте обѣдать“.

Этотъ рассказъ я слышалъ отъ моего отца.

X.

Изъ того же источника я слышалъ слѣдующее:

Павелъ I выѣзжалъ обыкновенно прогуливаться въ 12 часовъ пополудни, или одинъ или съ кѣмъ-либо изъ своихъ приближенныхъ. Большею частью ему сопутствовали Обольяниновъ, гр. Кутайсовъ и весьма рѣдко гр. Ростопчинъ, и когда государь бывалъ не въ духѣ, то горе бывало многимъ. Однажды лѣтомъ государь, находившійся въ Петербургѣ, выѣхалъ кататься въ свое урочное время. Проѣзжая мимо одного дома, гдѣ окошны были открыты, онъ услышалъ сильный и нѣсколько разъ повторяющійся звонъ колокольчика, съ криками: „Парашка, Парашка!“ Онъ остановился и послалъ узнать, кто это звонить и отчего такъ сильно кричать? Посланный нашелъ старушку, очень удивленную его приходомъ: „Вы, сударыня, звонили сейчасъ?“—„Я, батюшка“.—„Государь здѣсь и велѣлъ васъ спросить, отчего вы такъ крѣпко звонили, и такъ сильно кричите?“—„Батюшка мой, виновата, звала мою дѣвку, Парашку, до сихъ поръ обѣдать не подаетъ, я въ это время обѣдаю, а ужъ первый часъ“. Посланный, узнавши имя старушки, вернулся съ отвѣтомъ. „Сказать ей, чтобы она въ это время никогда не обѣдывала“, сказалъ Павелъ. Посланный передалъ ей приказъ.—„Скажите государю, что если его величеству угодно, я никогда больше обѣдать не буду“. Павелъ поѣхалъ далѣе.

XI.

Императоръ Александръ I, по наущенію враговъ Ермолова, долго вѣрилъ, что онъ отложится отъ Россіи вмѣстѣ со всѣмъ Кавказомъ. Долго онъ скрывалъ эту мысль, но разъ рѣшился вывѣдать тайну у генерала Миллера-Закомельскаго, зная, что онъ находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ Алексѣемъ Петровичемъ. Баронъ Миллеръ-Закомельскій всѣми средствами и всѣми доводами старался разувѣрить государя, и, къ счастью, достигъ этого. По возвращеніи государя изъ Лайбаха онъ, однажды передъ обѣдомъ, какъ будто не замѣчая Ермолова, обратился къ барону Миллеру-Закомельскому и сказалъ ему полушутя, указывая на Ермолова: „онъ, вѣжета, не хочетъ болѣе отложиться“.

XII.

Въ 1821^{г.}, когда государь Александръ I былъ въ Лайбахѣ, кн. Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ командовалъ гвардіей. Къ нему явился офицеръ, имя котораго онъ, передавая этотъ рассказъ, не хотѣлъ назвать, и просилъ у ген. разговора наединѣ. Когда Васильчиковъ ввелъ его въ свой кабинетъ, то этотъ офицеръ не только объявилъ ему о

заговорѣ, но представилъ ему списокъ заговорщиковъ. На замѣчаніе генерала, что это дѣло не относится до него, а до министра полиціи генерала Балашева, офицеръ отвѣчалъ, что онъ обращается къ генералу Васильчикову не такъ, какъ къ командиру гвардейскаго корпуса, но какъ къ генераль-адъютанту и что, въ случаѣ его отказа принять отъ него этотъ списокъ, онъ прямо обратится къ государю съ заявленіемъ, что онъ уже объ томъ обращался къ его генераль-адъютанту безъ успѣха. Тогда Васильчиковъ спросилъ его, чѣмъ онъ подтвердить справедливость своихъ показаній? и офицеръ указалъ ему на городъ Тверь, въ которомъ въ такой-то день будетъ совѣщаніе заговорщиковъ. Тверскою дивизіею командовалъ въ то время братъ Иллариона Васильевича, генераль-маіоръ Николай Васильевичъ Васильчиковъ. Секретно были наведены справки и оказалось, что все справедливо. По возвращеніи государя изъ Лайбаха, Васильчиковъ доложилъ ему обстоятельства этого важнаго дѣла и представилъ государю полученный имъ списокъ заговорщиковъ. Государь взялъ его, не раскрывая положилъ передъ собою, закрывши лицо руками и долго сидѣлъ въ молчаніи; наконецъ сказалъ Васильчикову эти замѣчательныя слова:

«Personne mieux que Vous, mon cher Wassilchikoff, ne connaît le commencement de mon règne, où par mes actions et mes actes j'ai donné prise a les effervescences des mécontents. C'est donc ma faute et ce n'est donc pas à moi a sevir. Reprenez cette liste, je ne veux pas la voir».

(„Никто лучше васъ, любезный Васильчиковъ, не знаетъ, какое было начало моего царствованія, гдѣ я моими дѣйствіями и моими узаконеніями далъ поводъ этому волненію недовольныхъ. Это моя вина, и не мнѣ ихъ за это наказывать. Возьмите назадъ этотъ списокъ, я не хочу его видѣть“).

ХІІІ.

Разскажу эпизодъ, относящійся до брата Марьи Антоновны Нарышкиной—князя Бориса Четвертинскаго.

Во время политическихъ смуть въ Польшѣ въ 1791 году, отецъ князя Четвертинскаго, князь Антонъ, былъ повѣшенъ чернью въ Варшавѣ за преданность его Россіи. Императрица Екатерина немедленно выписала дѣтей его въ Петербургъ, призрѣла и облагодѣтельствовала сиротъ. Обѣ дочери были сдѣланы фрейлинами, а молодой князь Борисъ былъ сначала помѣщенъ въ Кадетскій корпусъ, но вскорѣ произведенъ въ офицеры, несмотря на почти ребяческіе его годы. Вся семья пользовалась особеннымъ благоволеніемъ императрицы. Милости не прекращались и при воцареніи императоровъ Павла и Александра. Эти, почти родственныя, отношенія царствен-

ныхъ особъ были причиною тому, что въ царствованіе императора Александра, князь Борисъ долго не могъ подозрѣвать возрастающее влеченіе государя къ его сестрѣ Марьѣ Антоновнѣ Нарышкиной. Онъ служилъ тогда полковникомъ въ Л. Г. гусарскомъ полку въ Царскомъ Селѣ. Однажды онъ встрѣтилъ императора у сестры и тотъ передалъ ему о расположеніи своемъ къ Марьѣ Антоновнѣ.

Князь Четвертинскій, бывшій всю свою жизнь рыцаремъ безъ страха и упрека, удалился отъ сестры, сталъ жить почти безвыѣздно въ своемъ эскадронѣ, и когда наступили Наполеоновскія войны, принялъ блестящее участіе въ кампаніяхъ 1805, 1806, 1807 годовъ, уже въ Александровскомъ гусарскомъ полку. Въ 1808-мъ г. онъ вышелъ въ отставку, несмотря на желаніе государя сохранить его на службѣ и на убѣжденія цесаревича Константина. Эти натянутыя отношенія не лишили его однако уваженія императора Александра; никому не бывало отказа, если государь узнавалъ, что того желаетъ кн. Четвертинскій. Самъ же онъ во всю свою жизнь ничего никогда не просилъ.

Двѣ дочери князя Антона Четвертинскаго были: Марья Антоновна Нарышкина и Жанета Антоновна Вышковская, жена польскаго шляхтича. Обѣ умерли въ 1853 году, первая на озерѣ Старенбергѣ, въ 2-хъ часахъ отъ Мюнхена, вторая въ самомъ городѣ, гдѣ обѣ и похоронены.

Князь Борисъ Антоновичъ умеръ въ Москвѣ 23 января 1865 года, въ чинѣ оберъ-штальмейстера, въ казенномъ домѣ у Колымажнаго двора, нынѣ пожалованный его женѣ.

3-го марта 1871 г. Москва.

В. Д. Давыдовъ.

Повелѣніе императора Николая I о подвигѣ Вержбицкаго, 1838 года.

Волынской губерніи, Островскаго уѣзда, деревни Хотня, дѣти одного двorca Вержбицкаго: 6-ти-лѣтній сынъ Николай и полугодовая сестра его Анна, по случаю смерти матери и внезапной отлучки отца ихъ, неизвѣстно куда бѣжавшаго въ 1837 году, остались въ крайней бѣдности и безъ всякихъ средствъ къ пропитанію. Мальчикъ поддерживалъ существованіе свое милостынею и, заботясь о сестрѣ, кормилъ ее молокомъ оценившейся суки, клалъ ее между щенятъ для предохраненія отъ холода, и тѣмъ спасъ жизнь ребенка.

По удостовѣреніи въ дѣйствительности этого событія, главное мѣстное начальство, чрезъ посредство министра внутреннихъ дѣлъ, ходатайствовало объ испрошеніи у государя отъ монаршихъ щедротъ вознагражденія 6-ти-лѣтнему мальчику Николаю Вержбицкому, который,

несмотря на круглое сиротство и беспомощное состояніе, спасъ столь необыкновеннымъ образомъ жизнь своей сестры. Министръ внутреннихъ дѣлъ, признавая необходимымъ дать средства къ обезпеченію участи сихъ дѣтей, поручилъ — мальчика отправить, на счетъ суммъ Волинскаго приказа общественнаго призрѣнія, въ городъ Калугу, для помѣщенія въ тамошнемъ сиротскомъ домѣ, а сестру его отдать на попеченіе того же приказа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о поступкѣ однодворческаго мальчика Вержбицкаго доводилъ до свѣдѣнія государя императора, чрезъ комитетъ гг. министровъ. Комитетъ, выпискою изъ журналовъ 12 іюля и 16 августа 1838 года, сообщилъ, что по статьѣ о подвигѣ мальчика Вержбицкаго, послѣдовало собственоручное его императорскаго величества повелѣніе:

„Вержбицкаго за примѣрный поступокъ—въ александровскій кадетскій корпусъ, а сестрѣ его—пенсіонъ до замужества въ 400 руб., и когда будетъ въ состояніи по лѣтамъ, перевести въ Москву, въ александровскій сиротскій институтъ“ *).

Сообщ. Е. Н. Тихомировъ.

Письма графа Бенкендорфа къ Н. В. Кукольнику.

I.

Милостивый государь Несторъ Васильевичъ! Историческій разсказъ «Сервантъ или всѣ за одно», обратилъ на себя вниманіе публики желаніемъ вашимъ выказать дурную сторону русскаго дворянина и хорошую — его двороваго человѣка. Государь императоръ удивляется, какъ можетъ человѣкъ, столь просвѣщенный и обладающій такимъ хорошимъ перомъ какъ вы, милостивый государь, убивать время на занятіи васъ недостойныя и на составленіе статей до таковой степени ничтожныхъ.

Хотя разсказъ вашъ вы почерпнули изъ дѣяній Петра Великаго, но предметъ вами описанный, въ анекдотѣ, составляя прекрасную черту великаго государя, въ вашемъ сочиненіи совершенно искаженъ неумѣстными выраженіями и получилъ совершенно дурное направленіе. Желаніе ваше непрерывно выказывать добродѣтель податнаго состоянія и пороки высшаго класса людей, не можетъ имѣть хорошихъ послѣдствій, а потому не благоудно-ли вамъ будетъ на будущее время воздержаться отъ печатанія статей, противныхъ духу времени и правительства, дабы тѣмъ избѣжать взысканія, которому вы, при меньшей какъ нынѣ снисходительности, подвергнуться можете.

*) О подвигѣ Вержбицкаго было тогда же объявлено въ кievскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ 1838 г. № 38.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть, вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою графъ Бенкендорфъ.

С.-Петербургъ, 6 января 1842 г.

II.

Милостивый государь Несторъ Васильевичъ! Получивъ письмо ваше, отъ 27 сего января, спѣшу успокоить васъ, милостивый государь, что изъ памяти государя императора совершенно изгладилось то впечатлѣніе, которое произведено было повѣстію вашею: «Сержантъ Ивановъ», и въ мысляхъ его величества не осталось противъ васъ ни малѣйшаго гнѣва; если же вамъ и сообщено было о замѣченныхъ недостаткахъ въ вашей повѣсти, то единственно потому, что его величество, памятуя всѣ другія произведенія ваши по части литературы были нѣсколько остановленъ тѣмъ, что въ новой повѣсти вашей встрѣчаются мѣста, не вполне достойныя пера вашего, и его императорское величество соизволилъ замѣтить это именно потому, что считаетъ васъ въ числѣ отличныхъ писателей, всегда ожидалъ отъ васъ произведеній, равныхъ вашему таланту, и что вы трудами своими можете приносить пользу и честь нашей литературѣ.

Вмѣстѣ съ симъ мнѣ весьма пріятно удостовѣрить васъ въ моемъ истинномъ къ вамъ почтеніи и преданности, съ коими имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою графъ Бенкендорфъ.

30 января 1842 г.

Сообщ. И. А. Пузыревскій.

О столѣтнемъ юбилеѣ дня рожденія графа Михаила Андреевича Милорадовича.

1-е октября 1770 г.—какъ значится въ надписи на надгробной плитѣ гр. Милорадовича—есть день его рожденія.

1-го октября 1870 г.—истекаетъ ровно сто лѣтъ съ этого дня.

Рыцарская личность графа Михаила Андреевича Милорадовича, его доблести на ратномъ полѣ стяжали ему при жизни чувства безпредѣльной любви и уваженія отъ его сподвижниковъ, отъ всего русскаго воинства... Имя его сдѣлалось славно по всей Россіи...

Напоминаемъ тѣмъ изъ современныхъ представителей военнаго сословія, которые дорожатъ преданіями славной нашей арміи, о необходимости достойнымъ образомъ ознаменовать приближающійся день столѣтняго юбилея рожденія одного изъ славнѣйшихъ на Руси героев отечественной войны.

Ред.

О подпискѣ на памятникъ А. С. Пушкину.

Поступили пожертвованія: отъ Е. М. Протопоповой—15 руб.; А. Θ. Базунова—10 руб.; А. Н. Петрова—10 руб.; И. А. Пузыревскаго—3 руб.; Г. Д. К.—1 руб.; А. И. Семеваго—5 руб.; всего—съ прежде поступившими—76 руб.

Ред.